

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА ГЛАГОЛА

Е. Я. Титаренко

В статье рассматриваются актуальные вопросы аспектологии: статус категории вида глагола, семантическое содержание совершенного и несовершенного вида. Категория вида определяется как грамматическая категория классификационного типа.

Ключевые слова: глагол, видовая пара, аспектология, категория вида

У статті розглядаються актуальні питання аспектології: статус категорії виду дієслова, семантичний зміст доконаного і недоконаного виду. Категорія виду визначається як граматична категорія класифікаційного типу.

Ключові слова: дієслово, видова пара, аспектологія, категорія виду

This article concerns urgent problems of the aspectology: status of the category of verb aspect, semantic matter of perfective and imperfective aspect. Aspect category is defined as a grammar category of classified type.

Key words: aspectology, verb, aspectual couple, aspect category

На современном этапе развития аспектологии по-прежнему **актуален** вопрос о статусе категории вида: является ли вид в славянских языках словоизменительной, классифицирующей или словообразовательной категорией (см., например, [4]). По этому поводу высказываются прямо противоположные точки зрения: от признания всех видовых пар формами одного глагола (что предполагает наличие в современном русском языке не только формообразующего суффикса вторичной имперфективации -ИВА-/-ЫВА-, но и чистовидовых префиксов, наиболее последовательным сторонником которых был А.Н. Тихонов [8]), до утверждения, что образование видов – это словообразование, а категория вида относится к числу словообразовательных [3]. Промежуточную позицию занимали Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко и их последователи, которые в своих трудах 60-х годов прошлого века признавали вторичные имперфективы формами глагола, а префиксальные пары – разными словами.

Цель статьи – определить статус грамматической категории вида как словоклассифицирующей категории.

А.Н.Тихонов [8], М.Ю.Черткова [9], М.А.Шелякин [10] и многие другие лингвисты признают вид словоизменительной морфологической категорией. Так, М.А.Шелякин рассматривает его как специфическую категорию, представляющую собой «противопоставление двух словоформ несовершенного и совершенного вида», которое проявляется «как в видовых парах, т.е. в глаголах с одним и тем же лексическим значением, так и в одновидовых глаголах, обладающих только несовершенным или совершенным видом» [10, с.74].

А. Зализняк и А. Шмелев отмечают «реально двойственную природу вида как грамматической категории, соединяющей в себе признаки словоизменительных и словоклассифицирующих категорий: вид оказывается близок к словоизменительным категориям в той мере, в какой речь идет о тривиальных значениях имперфективного члена видовой пары, и к словоклассифицирующим – когда мы имеем в виду его нетривиальные значения» [2, с.99].

В более поздних трудах А.В. Бондарко представил свою новую трактовку коррелятивности, а именно: 1) соотносительность форм одного и того же слова; 2) соотносительность форм разных слов (лексически тождественных), признав, вслед за А.А. Реформатским, возможным словоизменительное и словообразовательное формообразование [1, с.205-222].

На этом основании А.В. Бондарко выделил три типа ГК: **последовательно коррелятивные** (наклонение, время, число, род глагола и др.), **непоследовательно коррелятивные** (вид и залог глагола и др.) и **некоррелятивные** (род существительных). Глаголы в видовых парах автор считает разными словами «с тождественным лексическим значением» [1, с.205-222].

М.Ю. Черткова доказывает, что тенденция развития категории русского вида на современном этапе состоит в ее эволюции из категории словоклассифицирующей в категорию все более и более словоизменительную, аналитическую. На наш взгляд, с таким утверждением в целом трудно согласиться, однако мы солидарны с исходным постулатом: категория вида является (или являлась) словоклассифицирующей.

Анализируя изначальный смысл терминов, мы задались вопросом: почему в аспектологии закрепился термин «видовая пара»? Если речь идет об **одном глаголе**, об одной лексеме, то почему говорят о видовой **паре глаголов**? Ведь в лингвистике нет понятия, например, «родовая пара» или «числовая пара» о единственном – множественном числе существительных. Очевидно, потому, что **пара** глаголов – это **два** глагольных слова, различающихся своим грамматическим (видовым) значением.

С другой стороны, если принять теорию словоизменительного характера категории вида и предположить, что глагол **изменяется по видам**, принимая **форму** СВ либо НСВ, то образцом такого глагола в русском языке является типичный **«двувидовой»** глагол. Почему же о двувидовых глаголах

принято думать как об «аномалии» в аспектуальной системе русского языка, почему ведутся дискуссии о том, каковы тенденции их дальнейшего развития, разрушается ли двувидовость и т.п.? Если вид – словоизменительная категория, то именно двувидовые глаголы – наиболее убедительное доказательство этого. Однако подавляющее большинство двувидовых глаголов имеет нерусское происхождение, количество исконно русских лексем минимально, к тому же, по данным некоторых лингвистов, именно в этой группе двувидовость активно разрушается и глаголы функционируют преимущественно как одновидовые или парные (см.[2]).

Если же представить, что глаголы *распределяются по видам* как существительные по родам, что вид – это обязательная неотъемлемая грамматическая характеристика каждого глагольного слова, отличающая его от слов другого вида, то можно объяснить, почему у глаголов разных видов различны парадигмы, различна сочетаемость и другие характеристики: потому что это *разные* глаголы, связанные между собой мотивационными связями. Лексические значения некоторых из них могут сближаться до почти полного совпадения – существуют же лексические синонимы, дублиеты, паронимы и т.п. Наше исследование семного состава глагольных слов позволило обнаружить разные комбинации сем и грамм у глаголов разных видов, что также доказывает словоклассифицирующий характер категории вида.

В нашем представлении глаголы разных видов различаются набором сем, среди которых выделяются семы лексические и грамматические (в дальнейшем называемые «граммами»). Релевантными являются *граммы*: **Ед.** (единичность), **Повт.** (повторяемость), **Л.** (временная локализованность) и **НЛ.** (временная нелокализованность).

Для СВ характерно наличие семы **Лим.** (лимитативность), для НСВ – семы **П** (предельность) либо **НП** (непредельность). Представим семную формулу граммы глагола в виде простой дроби, в числителе которой расположены семы, а в знаменателе – граммы. В таком случае формула СВ в самом общем виде выглядит так: $\frac{\text{Лим.}}{\text{Ед.Л.}}$

А формула граммы НСВ – $\frac{\text{П}}{\text{Ед.Л. // Повт. НЛ}}$ либо $\frac{\text{НП}}{\text{Ед.Л. // Повт. НЛ}}$ [7].

Как видим, НСВ может быть представлен двумя граммами, которые различаются, однако, не *граммами*, а *семами* предельности/непредельности. Для некоторых глаголов НСВ формулы можно объединить, поскольку если анализировать не отдельные ЛСВ (как это принято в аспектологии и как это делаем мы), а глагольную лексему с учетом полисемии, то нередко предельность присуща одним ЛСВ, а непредельность – другим (например, *читать* книгу – уметь *читать*). Таким образом, формула НСВ таких глаголов – $\frac{\text{П // НП}}{\text{Ед.Л. // Повт. НЛ}}$.

Грамма **Ед.** коррелирует с граммой **Л.**, а граммма **Повт.** – с грамммой **НЛ.**, потому что локализованное во времени действие конкретно, единично (конкретно-процессная функция НСВ), а повторяющееся действие связано с временной нелокализованностью. Таким образом, наборы *грамм* **Ед.Л.** и **Повт.НЛ** взаимоисключают друг друга. Они не могут быть одновременно актуализованы, хотя могут быть одновременно погашены или нейтральны (как в общефактическом значении НСВ).

Таковы общие формулы видов, однако у каждого глагола в лексической семантике могут присутствовать и другие семы, скажем, такие, как **Ит.** (итеративность), **Одн.** (однократность) или другие. Эти семы могут содержаться в ядре лексического значения корня либо в семантике глагольных аффиксов, от чего зависит их «сила» или «слабость», т.е. их влияние на функционирование глагола в контексте. Семы вступают во взаимодействие с граммами и другими семами. В результате такого взаимодействия они могут нейтрализоваться, погашаться, усиливаться и т.д. Кроме того, на усиление или зачеркивание сем «работает» и контекст (об этом более подробно в нашей работе [7]).

Таким образом, сравнивая формулы видов, можно обнаружить, что граммма НСВ отличается от граммы СВ наличием *грамм* **Повт. НЛ.**, которые, как уже было сказано, никогда не могут быть актуализованы одновременно с *граммами* **Ед.Л.**, присущими СВ. Вот почему глаголы СВ сами по себе не могут обозначать повторяющееся, нелокализованное во времени действие. В таком случае **маркированным** оказывается НСВ, поскольку его грамматическая семантика сложнее, чем семантика СВ.

Возражая против классификационного статуса категории вида и проведения параллели с категорией рода существительных, А.В. Бондарко пишет, что для категории рода имен существительных «исключается противопоставление граммем внутри одного слова или одного и того же лексического значения» [1, с.214]. В словах типа *больной – больная, дежурный – дежурная* автор справедливо видит «словообразовательное соотношение форм разных слов по признаку пола, а не коррелятивность форм при тождестве лексического значения» [1, с.214]. Однако не только субстантивированные прилагательные, но и существительные типа *студент – студентка, учитель – учительница* и т.п. различаются грамматической категорией рода при общности лексического значения, что подтверждается лексикографической практикой. Так, в МАСе читаем: *студентка – женск.* к студент; *учительница – женск.* к учитель [6]. (Ср. толкование глаголов типа *подписать – подписывать, строить – построить* путем отсылки к видовому корреляту НСВ (реже СВ).)

Конечно, количество «парных» по роду существительных в процентном отношении ко всем остальным существительным значительно уступает количеству парных глаголов среди всей глагольной лексики, однако это, по нашему мнению, объясняется только тем, что категория рода имеет рациональную основу лишь у существительных, называющих лиц или животных, в остальных случаях этимология рода немотивирована.

Выводы. Таким образом, вид глагола – это грамматическая категория классифицирующего типа, как категория рода имен существительных. В русском и украинском языках степень грамматичности вида выше, чем в западнославянских, но ниже, чем в болгарском [5]. Глаголы разных видов различаются составом лексических и грамматических сем (которые мы называем *граммами*). Формула НСВ сложнее формулы СВ, поскольку включает, помимо набора грамм Ед. Л, еще и граммы Повт. НЛ. В каждом конкретном глаголе происходит взаимодействие лексической и аспектуальной семантики, в результате которого семы и граммы могут усиливать, поддерживать, зачеркивать и т.п. друг друга, а контекст может их актуализировать, нейтрализовать или погашать.

Литература:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736с.
2. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226с.
3. Милославский И.Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория // ФН. – 1989. – №4
4. Перцов Н.В. Русский вид: словоизменение или словообразование? // Типология вида: проблемы, поиски, решения. – М, 1998. – С.343-355.
5. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 256с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз./ Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981.
7. Титаренко Е.Я. Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе // Ученые записки Таврического нац. ун-та. – 2002. – Т.15 (54). – №4: Филол. науки. – С.99-113.
8. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. – М.: Academia, Языки народов России, 1998. – 280с.
9. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. – М.: МГУ, 1996.
10. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 288с.

Поступила 24.02.2004 г.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО НАРЕЧИЙ КАК СОВОКУПНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Я. Токмеджи

В статье рассмотрены наречные гнезда, имеющие формальную и семантическую структуру, которые определяются особенностями их структурных элементов – словообразовательных цепочек, а также спецификой словообразовательных типов.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, типовая цепочка, словообразовательный тип

У статті розглядаються словотвірні гнізда прислівника як частини мови, зумовлені його формальною та семантичною структурою – словотвірних ланцюжок та специфікою словотвірних типів.

Ключові слова: словотвірне гніздо, типова ланцюжки, словотворчий тип

The nests of adverbs, having both formal and semantic structure, are under the consideration in the given article. These nests of words are defined by the peculiarities of their word-forming chain, and by the specific of character of their word-forming types.

Key words: the word-forming nest, typical chain, the word-forming type

Постановка проблемы. Словообразовательная цепочка – это ряд (или совокупность) однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной синхронной словообразовательной производности. Ср.: **соль** (непроизводное/производящее) – **солить** (производное/производящее) – **подсолить** (производное/производящее) – **подсаливать** (производное/производящее) – **подсаливаться** (производное, поскольку от последнего глагола ничего не образуется, он не является производящим); **дыра** (непроизводное/производящее) – **дырявый** (производное/ производящее) – **дырявить** (производное/производящее) – **продырявить** (производное/производящее) – **продырявиться** (производное; в дальнейшем словообразовании не участвует, производящим не является).